

vampire демектиб

ЕЛЕНА
ЛОГУНОВА

ВКУС ЗАКАТА

Vampire детектив

Елена Логунова

Вкус заката

«ЭКСМО»

2010

Логунова Е. И.

Вкус заката / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2010 — (Vampire детектив)

Тамара Тарасова сходила с ума от беспокойства – ее дочь, студентка-отличница, пропала! – и обратилась к писательнице Анне Ливановой, занимающейся расследованием запутанных историй. Оказалось, Марина улетела в Ниццу в обществе... своего пожилого преподавателя! Анна как раз собиралась в отпуск, поэтому согласилась помочь женщине. ОТЕЛЬ на Лазурном Берегу встретил ее местной сенсацией – в номере по соседству недавно случилось жуткое происшествие: там нашли мертвой старушку, и погибла она во время любовного свидания! Постепенно Анна начала понимать, что это и есть Марина, из которой кто-то выпил молодость и жизнь, как вампиры выпивают кровь у своих жертв...

© Логунова Е. И., 2010

© Эксмо, 2010

Елена Логунова

Вкус заката

1

– Я так долго этого ждал! – шепнул он, поцеловав ее локон.

Она с сожалением подумала, что не сообразила надуть волосы, а ведь они после долгого перелета не идеально свежи. Впрочем, за время романтической прогулки по набережной вечерний бриз должен был развеять «неправильные» запахи.

Сегодня все должно быть правильно. Идеально. Так, как бывает только в сказке.

– Я тоже ждала, – пробормотала она, попытавшись сделать свой голос таким же теплым, обволакивающим, чувственным, как у него.

Получилось не очень: она сильно волновалась. Такое с ней происходило в первый раз. Нет, она уже не была девственницей – в наше время студентке второго курса просто неприлично оставаться невинной, а она очень старалась быть «не хуже других». Но малоинтересные и незапоминающиеся сексуальные упражнения с эгоистичными мальчишками, которым было наплевать на чувства партнерши, не шли ни в какое сравнение с тем, что мог дать ей взрослый, опытный и – главное – любящий ее мужчина. А в том, что он ее любит, она уже не сомневалась. Он доказал, что готов ради нее на подвиги.

Ведь это же самый настоящий подвиг – привезти ее для первой ночи не в какой-нибудь занюханный мотель в пригороде, не в щелястый дачный домик, даже не к себе на квартиру. Во Францию! На Лазурный Берег! В Ниццу!

Это был сюрприз, грандиозность которого она до сих пор не вполне осознала. Он заехал за ней на такси вечером в пятницу, потому что они договорились вместе поужинать. Действительно, совместный ужин состоялся, но не в ресторанчике, как она ожидала, а на борту самолета австрийской авиакомпании. Кажется, кормили вкусно, но она мало ела, потому что была потрясена. Внезапно оказаться вместо французского ресторанчика в самой настоящей Франции – это чудо. И совершил его он. Для нее!

Он все продумал и все сделал сам: позаботился о документах и визах, купил билеты, забронировал отель в Ницце и по прилете прямо в аэропорту нашел автобус, который через пятнадцать минут высадил их на Английской набережной напротив роскошного отеля «Негреско». Она видела это шикарное место как минимум в пяти кинофильмах! Тут снимались Софи Марсо в «Неуловимом» и Питер Броснан в одном из фильмов бондианы. О боже!

Правда, сами они остановились не в «Негреско» – это было бы фантастически дорого, – а в трех кварталах от набережной, в маленьком уютном отеле с очаровательным каменным фонтанчиком в миниатюрном внутреннем дворике, сплошь заставленном горшками с декоративными растениями. Вероятно, летом все эти цветы распределялись по балконам и подоконникам гостиничных номеров, чтобы радовать глаз постояльцев. Ее, впрочем, все радовало и сейчас, в самом начале марта.

Было так здорово вместе с ним неспешно пройти под набережной, где с одной стороны размеренно и мощно дышало Средиземное море, а с другой – укоризненно трясли растрепанными головами высоченные пальмы! Потом свернуть налево, через квартал еще раз налево и искать на тихой улице, с двух сторон стиснутой рядами невысоких красивых домов, свой отель.

Он оказался узкой, в два окна, трехэтажной «башенкой», зажатой между временно закрытой гостиницей побольше и величественным, с мраморными колоннами и белыми фигурами на фронтоне, зданием с темными окнами.

Никто не видел, как они вошли в крохотный вестибюль, где за узкой стойкой не было даже дежурного, как дружно, в ногу, шагнули в тесную коробку лифта, доставившего их на верхний этаж, как оказались в своем номере.

– Подожди, не смотри!

Он развернул ее лицом к двери, помог снять плащ, открыл дверь в ванную и мягко втолкнул ее туда:

– Пять минут! Когда ты выйдешь, тут все будет как надо!

Она вышла через четверть часа – очень быстро, если учесть, что до ухода на «ужин в ресторанчике» интим не планировался, а теперь без этого невозможно было представить дальнейшую программу. До того, как он развернул ее к двери, она успела заметить, что меблировка номера состоит главным образом из одной просторной кровати.

Однако за пятнадцать минут он волшебным образом преобразил заурядный гостиничный номер, превратив его в сказочный чертог. Настоящее французское шампанское и розы, нежными лепестками которых были усыпаны простыни, он, должно быть, заказал заранее. И свечи, вероятно, тоже – сейчас он только расставил их и зажег. Но и на это должно было уйти никак не меньше пяти минут: золотые язычки дразняще трепетали на прикроватных тумбочках, вереницей тянулись по подоконнику, вдоль стен – по всем горизонтальным поверхностям! Сколько их было – две сотни, три? В воздухе витал волнующий сладкий аромат, огоньки отражало и умножало большое зеркало на потолке.

А он ждал ее у просторной кровати с двумя бокалами шипящего шампанского.

– За нас! – нарочито смело сказала она, поднимая бокал.

– За любовь до самой смерти! – торжественно сказал он и выпил вино до дна.

А потом, дождавшись, пока она тоже выпьет, забрал у нее бокал, поставил его на стол, притянул ее к себе, обнял, поцеловал локон и прошептал то самое, безмерно растрогавшее ее:

– Я так долго этого ждал!

– Я тоже, – пробормотала она.

И это оказалось правдой.

Когда он осторожно раздевал ее, она ужасно волновалась. Когда бережно положил, обнаженную, на прохладные простыни, ее сотрясала дрожь. Тогда он лег рядом, укрыл их обоим одеялом, крепко обнял ее и ждал, когда она согреется. И при этом безостановочно шептал ей, какая она замечательная и необыкновенная. Красивая, стройная, нежная, невероятно волнующая и чувственная.

Одеяло согрело ее тело, а слова – душу. Она сама потянулась его поцеловать, и он ответил на поцелуй с такой нежной страстью, что она застонала.

– Милая! – обрадованно шепнул он, стиснув ее крепче.

Она слышала, как сильно и часто бьется его сердце. Несомненно, она могла сделать его счастливым!

И он тоже очень многое мог. Неожиданно попав в сказку, она ожидала чего-то необыкновенного – и все-таки была удивлена, что такое возможно в его возрасте.

Он долго с откровенным удовольствием гладил ее тело. Сначала скользил ладонью по его изгибам почти невесомо, затем крепко прижимал руку к бедру или к груди – и снова отстранялся, но она уже тянулась за ним сама, выгибая спину.

– Да, милая, да! – восторженно шептал он, чутко прислушиваясь к тому, как меняется ее дыхание.

Первая волна накрыла ее в тот момент, когда он приник губами к ее груди. Он дал ей отдохнуть ровно столько времени, сколько потребовалось, чтобы влажными поцелуями протянуть дорожку в самый низ ее живота, и там задержался – опять же ненадолго. Совсем скоро она положила опавшие было руки на его затылок, судорожным движением вжала его голову глубже, со стоном выгнулась и через мгновенье сдвинулась в сторону, ускользая от его губ и языка.

– Ты необыкновенная! – с искренним чувством сказал он и осторожно вошел в нее.

Она и в самом деле была необыкновенной, только не знала этого. Оказывается, она была способна испытывать наслаждение многократно, не делая для этого ничего особенного, просто самозабвенно отдаваясь ему – а уж он и умел, и знал все. В какой-то момент он так и сказал ей:

– Я знал, что ты именно такая! – А потом совсем другим тоном, уже не нежно, а властно потребовал: – Смотри мне в глаза!

И она, конечно, послушалась, разлепила склеенные сладкими слезами ресницы и утонула в его глазах – ясных, сияющих, голубых, как море, обнимающее Лазурный Берег.

В лазурных глазах светились восторг и предвкушение еще большего восторга, любовь, признательность, огромная нежность и жалость. Это зрелище завораживало, однако ей было трудно смотреть ему в глаза, потому что ее тело снова сотрясали конвульсии. Внутри ее происходило нечто космическое, неопишемое и невыносимо прекрасное, и она чувствовала, что это будет несравненно лучше всего того, что было с ней до сих пор – в этой постели, этой ночью, да за всю ее жизнь. И это ее напугало.

– Я больше не могу, – со слезами в голосе прошептала она, каждой клеточкой быстро слабеющего тела ощущая приближение небывалой волны. – Ты так убьешь меня, дорогой!

– Да, милая! – ласково прошептал он, наклонясь к ее уху.

А затем откатнулся, чтобы в следующую секунду войти как можно глубже.

Когда он отстранился, она на один ничтожно краткий и безумно страшный миг увидела в зеркале на потолке отражение своего лица и дико закричала, но он закрыл ей рот поцелуем и выпил ее крик так же жадно, как саму жизнь.

Когда спустя полчаса, приняв душ, одевшись и аккуратно затушив свечи, он уходил из отеля, в двухместном номере на третьем этаже было совершенно тихо. Ветерок из приоткрытого окна игриво шевелил кружевную занавеску и заметал под кровать легкие розовые лепестки. Во внутреннем дворике за окном все так же мелодично журчал фонтанчик, и нераздивый дежурный по-прежнему отсутствовал на своем сторожевом посту в вестибюле.

Все ее вещи, сложенные в черный пластиковый мешок для мусора, он выбросил в контейнер на железнодорожном вокзале, до которого бодрым шагом дошел за десять минут.

2

«Любовь женщины не может жить без комплиментов и признаний. Только они нейтрализуют медленный, но смертельный яд сомнений и тихой ревности.

Бурную женскую ревность нельзя нейтрализовать ничем. Она в мгновение ока превращает родник нежного чувства в кипящий гейзер и в клочья разрывает сердце. Разумеется, любовь умирает, но это быстрая смерть.

Боги не были ко мне добры. Моя любовь умирала в муках!»

Яростно ткнув по кнопке с изображением восклицательного знака, я сломала ноготь и громко выругалась.

– Что-то случилось? – встрепнулся Санчо за перегородкой.

Через тонированное стекло я видела его силуэт: Санчо развалился в кресле, забросив ноги на стол и полируя ногти.

– Ничего страшного! – мрачно ответила я. – Все страшное, что только могло случиться, уже произошло!

– Ясенько! – невозмутимо ответил Санчо и прогремел выдвижным ящичком.

Из приемной донесся запах лака для ногтей.

– Закончишь с маникюром – поделись пилочкой! – ворчливо попросила я, с сожалением посмотрев на изувеченный ноготь.

Оттопыренный средний палец смотрелся в тему – мне как раз очень хотелось послать весь мир куда подальше. Но я еще пыталась взять себя в руки, а потому загнула рабочий палец со сломанным ногтем и одним указательным перстом с ускорением наколотила начало нового абзаца:

«Я не познала бурной ревности, но не потому, что ты не дал мне повода».

Последнее слово неожиданно четко проассоциировалось у меня с выпивкой.

– А и в самом деле! Нет повода не выпить! – обнадеженно подумала я вслух.

– У нас есть шампанское! – чутко отреагировал предупредительный помощник. – С Нового года осталось еще пол-ящика!

– Да какое шампанское?! – обиженно возразила я. – Мне надо что-то покрепче. Может, виски с содовой?

Я увела руки от клавиатуры и в наступившей тишине внимательно прислушалась к себе.

Спиртное я употребляю редко, но, как говорят в народе, метко и авторитетно заявляю: когда собираешься делать коктейль из виски с содовой, надо очень внимательно прислушиваться к своему внутреннему голосу, потому что он лучше знает, какой должна быть правильная пропорция между спиртным и газировкой.

Коктейль из виски с содовой – это вовсе не так банально, как может показаться. Это не просто выпивка! Это нечто среднее между сеансом экстренной психотерапии и скоростным погружением в глубокую медитацию. И соотношение ингредиентов напрямую зависит от того, насколько тебе в данный момент паршиво и насколько ты хочешь, чтобы стало хорошо.

По десятибалльной шкале в тот день мне было погано на девять с плюсом. Еще хуже мне было бы только в том случае, если бы я не помнила, что в дальнем углу пуленепробиваемой камеры пожаростойкого сейфа для документов как раз на такой экстраординарный случай пылится початая бутылка «Белой Лошади».

– Санчо, сбегай за колой! – крикнула я, вытащив пузатую емкость с золотым напитком на свет божий.

И, пошарив глазами по полкам с книгами и разнокалиберными спортивными кубками, добавила:

– И рюмку принеси!

– Айн момент! – бархатным тенором пропел из приемной мой помощник Александр, безропотно откликающийся также на Санчо.

Иногда, когда он уверен, что я в хорошем настроении и, следовательно, не казню его за нарушение субординации, он тоже называет меня в испанском стиле – Донна Анна. Когда же я в плохом настроении, меня лучше вообще не трогать, потому что я взрываюсь, как изъеденная коррозией глубинная бомба.

В роли коррозии, систематически подтачивающей крепость моей нервной системы, частенько выступает моя же нездоровая склонность к бурным и непродолжительным романам. Я до безобразия влюбчива, что в сочетании с изобретательностью и предприимчивостью обеспечивает мне нескучную личную жизнь на протяжении... гм... не скажу уже какого количества лет.

В каждую новую любовь я бросаюсь, как склеротический десантник без парашюта в воздушный океан. В затажном полете захлебываюсь эмоциями, упиваюсь эйфорией свободного падения и, в кратчайшие сроки достигнув максимальной глубины интимных отношений, периодически нахожу себя на дне в виде бесформенных останков, на первый взгляд не поддающихся восстановлению. К счастью, это обманчивое впечатление: кусочки моего разбитого сердца собираются воедино так же легко, как шарики ртути. Но врожденным это качество не является, я воспитала его в себе годами мучительных тренировок.

В тот день я решила, что должна расстаться с Андреем. Это решение далось мне с большим трудом – в окончательной (хотелось так думать) версии я приняла его с четвертой

попытки. Предыдущие три я позорно провалила, потому что мысль, в муках рождавшуюся в верхах – в моей голове, не поддерживали мои же низы. Ощущение вселенской пустоты в том женском месте, для которого еще не придумано приличного и не вычурного названия, возникало у меня всякий раз, когда я твердо говорила Андрею и самой себе: «Ну, все, хватит с меня, кончено, больше никогда! С тобой – ни-ког-да!» А хотелось всегда и с ним. С ним, именно с ним и только с ним!

День, два, три я героически сражалась со своей животной натурой, бестрепетно обрубая все контакты со впавшим в немилость любовником. Я запрещала всем, включая свой собственный внутренний голос, упоминать его имя. Я выбрасывала в мусор накопившиеся со времени предыдущей попытки разрыва письма, фотографии и мелкие подарки. Я выключала телефоны, не запускала скайп, игнорировала электронные сообщения, голубиную почту, морзянку, сигнальные флажки, ракеты и барабаны.

Санчо в эти периоды также переходил на осадное положение и стойко сражался с атаками удивленного, недоумевающего или разгневанного Андрея на своем рубеже. Полагаю, мой помощник делал это охотно и даже с удовольствием. Как все мужчины, он не чужд ревности и садизма, а потому в роковой час с радостью отшивает моих более или менее удачливых ухажеров изысканными фразами типа: «Анна Ивановна просила передать, что непременно встретится с Вами позже – в следующей жизни!»

Я выбралась из кресла и босиком – туфли остались лежать на боку под столом – прошлась вдоль стеллажа, присматриваясь к кубкам. Золотой, с серебряными ручками и неопикуемыми финтифлюшками – приз за победу в шахматном турнире – показался мне подходящей посудинкой. Я на глазок определила его емкость как пол-литровую, и внутренний голос заверил меня, что это самое то.

Слегка запыхавшийся Санчо ворвался в кабинет, когда я старательно и методично полировала внутреннюю поверхность кубка чистым носовым платком.

– Кола! – сказал мой помощник, поставив на край стола полторалитровую бутылку. – И рюмка!

– Газировку оставь, а рюмку забери, она мне не понадобится, – распорядилась я, свинчивая пластмассовую крышечку.

– Помочь? – предложил Санчо.

– Береги маникюр, – отмахнулась я. – Все, спасибо, свободен! Дуй на пост.

– Вы бы полегче с виски, Анна Ивановна! – ретируясь, проворчал мой помощник. – Опять будет как тогда!

– Когда? – с горькой иронией поинтересовалась я, салютуя полным кубком закрывающейся двери.

– Как всегда! – услужливо подсказал мой внутренний голос.

Расставания с любимыми мужчинами неизменно даются мне неимоверно тяжело. По опыту прошлых разрывов можно было ожидать, что конца дня, начатого колой с пятидесятипроцентным содержанием виски, я не замечу. Да что конец дня! Сегодня я, пожалуй, даже конца света не замечу!

– За невнимательность! – Я провозгласила первый авторский тост и приложила к краю золотой чаши.

И почти сразу же ощутила прилив вдохновения. Это был хороший признак: мне всегда гораздо лучше работается в периоды, когда мое сердце свободно.

Я вернулась за стол, поставила золотую чашу рядом с компьютером, с помощью ножниц для бумаги лихо исправила конфигурацию сломанного ногтя и застучала по клавишам:

«Я видела тебя с другой женщиной. Вы были вдвоем в кабинете, обставленном в скучном казенном стиле. Рядом, в большой светлой комнате, ходили, разговаривали и смеялись нарядно одетые люди. Я была там с ними, но необъяснимое внутреннее чутье вернее, чем любой прибор,

сообщало мне о твоём местонахождении. Если я не видела тебя, то безошибочно ощущала твое присутствие затылком, сердцем, третьим глазом...»

Первые свои два глаза – и правый, и левый – я к этому моменту уже закрыла, чтобы сосредоточиться на переживаниях лирической героини. Я вдохновенно печатала вслепую и поэтому помощника, заглянувшего ко мне в кабинет, не увидела, а за дробным стуком пальцев по клавишам и не услышала. Санчо пришлось закашляться, как чахоточному, и только тогда я очнулась:

– А?

– Бэ! – ляпнул непочтительный мальчишка. – То есть к вам тут пришли, Анна Ивановна.

– Я сегодня посетителей не принимаю! – заявила я.

И вместо нежелательных посетителей охотно приняла еще одну порцию живительной смеси из шахматного кубка.

Дзинь! – проаккомпанировал доброму глотку мой мобильник.

– Ливанова! – бодро отозвалась я.

– Анхен, мин херц! – меланхолично молвила трубка теплым и бархатистым, как августовский персик, голосом Семена Аркадьевича. – Как поживаешь? Прекрасно? Умница. Анхен, сейчас к тебе придет одна милая дама, прошу, отнесись к ней со всем вниманием, а к ее просьбе со всей серьезностью. Это моя добрая подруга, а ты ведь знаешь, как мне дороги мои добрые подруги.

– Все? И даже я? – спросила я, не скрывая надежды на положительный ответ.

– Конечно! Ты даже дороже всех других, – заверил меня галантный Семен Аркадьевич. – Несмотря на то, что подругой ты была скорее злой, чем доброй.

– Да, я такая, – сокрушенно вздохнула я, сморгнув воображаемую слезинку.

Наглец Санчо укоризненно цыкнул, шагнул к столу, без спросу взял кубок с недопитым эликсиром и вышел.

– Пожалуйста, пройдите в кабинет, Анна Ивановна ждет вас! – услышала я.

И вот так, с затуманенными мозгами и разбитым сердцем, я не по собственной воле ввязалась в историю.

Вообще говоря, истории – это мой профиль. Не история как наука, а именно истории – интересные, увлекательные, способные при качественном изложении побудить добрых людей раскошелиться на книжку в мягкой обложке. Книги в твердых переплетах стоят недешево, так что их покупают хуже, о чем без устали сокрушается мое издательство и я вместе с ним. Мой процент авторских отчислений с твердых переплетов выше, чем с мягких.

Впрочем, беллетристкой в чистом виде в наше время не прокормишься. Я знаю одного очень популярного писателя, который по совместительству является доктором химии и доктором информатики и сочиняет бестселлеры параллельно с работой в компании, занимающейся генной инженерией.

Мне, к сожалению, не хватило ума получить техническое образование, я всего лишь дипломированный филолог и специалист по пиару и рекламе, но и этим, поверьте, вполне реально заработать на хлеб с вареньем. Я могу быстро и качественно написать абсолютно любой текст: хоть предвыборную речь кандидата в депутаты, хоть инструкцию по использованию китайского электромассажера. А поскольку деятели политики и торговли распространены на нашей планете даже шире, чем тараканы, клиенты у меня есть всегда. Что и объясняет наличие у средней руки писательницы такой роскоши, как собственный офис и молодой помощник модельной внешности.

– Добрый день, проходите, присаживайтесь! – приподнявшись в кресле и спешно нащупывая ногами под столом блудные туфли, пригласила я гостью.

Кабинет у меня небольшой, меблирован скромно, но на диван для посетителей я не поспушила. У меня отличный диван, просторный, мягкий и упругий. На нем можно не только сидеть!

Но незваная гостья мой роскошный диван проигнорировала. Она опустилась прямо на пол и уже оттуда, стоя на коленях, простонала:

– Ради всего святого, найдите ее!

– Кого?!

Поверх столешницы я видел только половину лица просительницы. У нее были большие блестящие глаза, окруженные частой сеточкой морщинок, и удивительно четко прорисованные брови. Они тянулись от переносицы галочкой с длинными горизонтальными крыльями, загнутыми на кончиках: этот рисунок очень напоминал математический символ «квадратный корень».

Я оставила попытки найти правую туфлю, скинула заодно и левую и босиком в обход стола побежала поднимать с колен странную женщину.

Она, не сопротивляясь, позволила усадить себя на диван и даже приняла кофе, который притащил мой проворный помощник. Я одним глазом заглянула в чашку, потянула носом и обоснованно предположила, что Санчо развел порошковый «Нескафе» моим алкогольным коктейлем. Должно быть, пойло получилось суровое! Но гостья выпила его одним глотком и даже не поморщилась. Впрочем, лицо у нее и без того было перекошено гримасой страдания.

– Умоляю, найдите мою девочку! – сказала она, вернув Санчо пустую чашку и освободившимися руками схватив меня за запястья.

Пальцы у нее были холодные и твердые. Я тут же вспомнила, как однажды в детстве по глупости сунула руку в тугую завитушку чугунной ограды. Чтобы ее вытащить, понадобилась помощь слесаря с ножовкой по металлу.

– Семен сказал, что вы сможете!

– Одну секундочку, уважаемая, – попросила я и аккуратно (даже без ножовки) высвободилась. – Вы посидите тут, а мне надо сделать один звончок...

Я вышла в приемную, одними губами спросила у Санчо: «Это кто такая?!», получила такой же беззвучный ответ: «Понятия не имею!», отняла у помощника его мобильник, выскочила с ним в коридор и оттуда позвонила Семену Аркадьевичу.

– Анхен, это Тамара. Очень милая женщина, но, к сожалению, чрезмерно заиклившаяся на идее беззаветного служения своей семье, – как всегда невозмутимо и мягко объяснил мой добрый друг. – Тамара так истово берегла и обустроивала свой семейный очаг, что ее супруг предпочел убежать на волю. И дочка, когда подросла, похоже, тоже убежала.

– И теперь Тамара хочет ее найти, – понятно кивнула я. – Но почему с моей помощью? Я же не сыщик!

– Зато ты знатный специалист по любовным историям, а тут, я думаю, именно такая история и есть, – ловко польстил мне собеседник. – Прошу тебя, помоги Тамаре разобраться в сюжете. Уверен, тебе и самой будет интересно. Удачи!

– И тебе, – ответила я в уже гудящую трубку.

Санчо ждал моего возвращения с вопросительно поднятыми бровями. В который раз я подумала, что его брови очерчены и подкрашены не в пример аккуратнее, чем мои собственные.

– Это Тамара, она ищет свою дочь! – шепотом передала я скудную информацию и прошла в кабинет.

Посетительница, скорчившись, сидела на моем диване в позе, какие я дотоле наблюдала только у каменных горгулий на крыше собора Парижской Богоматери. При моем появлении она распрямила спину и развернулась ко мне. Глаза у нее в самом деле были огромные, а

губы казались кривыми, потому что Тамара в мое отсутствие сделала мужественную попытку пройти по ним яркой помадой, но немного промахнулась.

– Вы найдете ее? – спросила она с надеждой. – Мою девочку? Найдете? Обещаете?

Я вздохнула и присела на свободный край дивана.

Честно говоря, ненавижу давать обещания. Зароки и клятвы в определенной ситуации бывают полезны, но на перспективу все они вредны. Времена меняются, мы меняемся вместе с ними, а данные когда-то обещания кандалами висят на ногах, лишая нас свободы передвижения по жизни. Я думаю, любые клятвы должны иметь срок давности, по истечении которого их следует внимательно пересматривать и либо пролонгировать, либо отменять. Хотя бы для того, чтобы не страдать от угрызений совести! Меня, к примеру, до сих пор мучает невольно нарушенная клятва юного пионера жить и работать под чутким руководством коммунистической партии. Не очень сильно, но все-таки! Счастье еще, что ни один из моих браков не был скреплен священными обещаниями у церковного алтаря.

Поэтому Тамаре я ответила уклончиво:

– Обещаю, что постараюсь вам помочь.

И, чтобы не акцентировать внимание на сомнительных обещаниях, перешла к делу:

– Насколько я поняла, у вас пропала дочка?

– Мариночка! – Тамара попешно расстегнула сумочку и вынула из нее фотографию. – Вот! Это она недавно для факультетской газеты снялась как победительница музыкального конкурса. Она у меня очень хорошая девочка.

Я взяла фотографию и сказала первое, что пришло в голову:

– Вы с дочерью похожи.

У Марины тоже были большие карие глаза, аккуратный прямой нос и брови характерного рисунка «квадратный корень». Длинный рот мог бы выглядеть соблазнительным, если бы девушка на снимке улыбалась хоть краешками губ. Однако она смотрела на зрителя серьезно и строго, как красноармеец на плакате «А ты записался добровольцем?».

Я тихо усмехнулась и кивнула. Да, именно так выглядят хорошие девочки, побеждающие в серьезных конкурсах, в которых и не думают участвовать девочки хорошенькие. Хотя дурнушкой Марину никто бы не назвал. Лицо у нее интересное, его бы еще немножко подрисовать, и, пожалуй, могла бы получиться красавица. Но девушка явно не научилась еще пользоваться декоративной косметикой, макияж у нее прямо-таки индейский, в стиле «Чингачгук на тропе войны». Ясно, что она очень хочет нравиться, но не знает, как этого добиться, и стесняется спрашивать. Неглупая, самолюбивая, замкнутая. Стеснительная до высокомерия. Умница, отличница. Тонкая натура в толстой колючей коже. Знаем мы таких...

Я мельком глянула в зеркало над диваном, встала, пересела за свой стол, положила перед собой фотографию Марины, включила диктофон и сказала:

– Хорошо, Тамара. А теперь расскажите мне все, что считаете нужным.

3

Ей было почти двенадцать, когда отец ушел из семьи. До этого они с матерью страшно ссорились, и однажды ночью едва не дошло до поножовщины.

Отец был пьян, когда схватился за нож и выскочил вслед за матерью из кухни, где они скандалили, вовсе не думая о том, что Маринка в спальне за тонкой перегородкой слышит их ругань. А она слышала – не все, не каждое слово, но отдельные наиболее эмоциональные выкрики, и этого было более чем достаточно.

Ее интеллигентные родители, мама-учительница и папа-художник, ругались точно так же, как вечно пьяные многодетные тунеядцы Вондриковы из четвертого подъезда. Они называли друг друга такими словами, которые шестиклассница Маринка слышала только от гадких

мальчишек. Они разбили что-то стеклянное, а потом мама выбежала из кухни, и отец следом за ней – с ножом. Маринка очень хорошо запомнила этот нож – с широким серым лезвием и коричневой деревянной ручкой. Такими ножами она потом вооружала нарисованных пиратов и лесных разбойников.

Наверное, папа хотел только напугать маму. Когда Маринка в своей коротковатой, не по росту, ночнушке с криком выскочила в прихожую, папа аккуратно положил нож на полочку рядом с телефоном, надел куртку и ушел. До утра он, сгорбившись, сидел на скамейке у подъезда. Шел дождь, а папа был без шапки, и Маринке было его мучительно жалко. Она стояла за занавеской у окна и плакала. И мама тоже плакала, но позвать отца домой не разрешала. Потом отец ушел. С Маринкой он не попрощался, и больше она его не видела.

После этого у них с мамой началась другая жизнь. В доме стало тихо, спокойно – это Маринке нравилось. Никто не мешал ей часами валяться на диване, читая книжки, которые мама целыми связками приносила из библиотеки. Вечерами сама мама читала книжки на кухне, готовя ужин, а Маринка за пианино, поставив «Трех мушкетеров» на пюпитр и вслепую нажимая клавиши. Мама настояла, чтобы дочь продолжила заниматься в музыкальной школе, хотя это стоило денег, которых с папиным уходом стало совсем мало: папа талантливый художник – хорошо зарабатывал. Беда в том, что он и тратил заработанное с большим размахом и творческим подходом, абсолютно игнорируя мамины представления об идеальной семейной жизни. Папа был душой компании, весельчаком и заводилой, имел много друзей и подруг. К одной из них он и ушел.

У Маринки друзей было мало, а подруг и вовсе не имелось. Она прочитала слишком много умных книг, чтобы приятно посплетничать с ней о мальчишках и нарядах. К тому же она мало что понимала в нарядах, потому что мама из соображений экономии одевала ее добротно, но не модно и не к лицу. Лучшими друзьями Маринки стали книжки и фильмы. В первую очередь французские, только не комедии – их она не любила, потому что там всегда смеялись над самыми слабыми. Маринка смотрела сентиментальные картины про любовь и мечтала о том времени, когда вырастет, поступит в институт и уйдет из своего тихого и спокойного дома навсегда.

Училась Маринка лучше всех в классе и среднюю школу окончила с медалью. Это позволило ей без проблем поступить на бесплатное отделение – иначе пришлось бы остаться без высшего образования. Институт оказался не из престижных – педагогический, но Маринке это было неважно. Главное, что у нее будет диплом, а пока ей дали стипендию и место в общежитии!

В институте Маринку заметили сразу, но не однокурсники, а преподаватели. Она не прогуливала занятия, без троек сдала первую сессию и не уклонялась от скучной общественной работы. Пока ее соседки по комнате, ошалев от свободы, нагуливали кто синяки под глазами, кто раннюю беременность, Маринка привычно безнадежно мечтала о прекрасном принце и вечерами рисовала факультетскую стенгазету.

Маме она регулярно звонила и без энтузиазма, но подробно рассказывала о своей студенческой жизни. Та была уверена, что знает обо всех мало-мальски важных моментах в жизни дочери.

Мама поняла, что она очень сильно ошибалась, только тогда, когда рассерженная девчонка из общежития позвонила ей в поисках Маринки, которая «одолжила шикарные итальянские туфли на один вечер, а пропала на два дня!». А когда в понедельник утром Маринка – невиданное дело! – не появилась на занятиях, ее мама начала масштабные поиски.

Я выключила запись, побарабанила пальцами по столешнице и посмотрела на пустой гостевой диван. Тамара уже ушла, немного обнадеженная вырванным у меня обещанием посильной помощи. Фотографию пропавшей дочери она оставила, и я прикрепила ее кусоч-

ком двустороннего скотча на край монитора – так было удобнее переводить взгляд с лица на снимке на собственное отражение в зеркале на стене.

– Дурочка ты, дурочка! – шепотом сказала я девушке на фото.

Я отлично понимала, как легко может влипнуть в дурную историю такая хорошая девушка. Если ей не повезет. Если ангел-хранитель нестати отвлечется. Если инстинкт самосохранения отступит перед горделивым желанием блеснуть, сделать красивый жест, проявить опасное и глупое благородство. Если книжные знания о жизни недостаточно быстро вытеснит реальный опыт. Если неудачно сложатся обстоятельства или, не дай бог, проявится чья-то злая воля!

– Какое счастье, что мне давно не восемнадцать! – сказала я своему отражению.

– Ну, это счастье для тебя, но не для окружающих! – тут же заметил внутренний голос.

– Прошу прощения, но мое личное счастье заботит меня несравненно больше, чем счастье остального человечества! – ответила я язвительно и, видимо, слишком громко.

– Надеюсь, по этой причине вы не оставите меня сегодня без обеденного перерыва? – тоже возвысив голос, обеспокоенно поинтересовался дотоле помалкивавший Санчо из приемной. – Напоминаю, у меня в половине второго йога!

– Зайди, – позвала я.

Санчо сунулся в приоткрытую дверь. Он уже успел переодеться в спортивный костюм и выглядел в нем как победоносный олимпиец. Я в который раз мысленно посетовала на то, что эта великолепная мужская красота не знает и, главное, не хочет знать женской ласки, и с ехидством сказала:

– Разумеется, я помню, что ты бежишь на тренировку, с которой задержишься часа на полтора, на что я систематически закрываю глаза, великодушно не урезая твою зарплату!

– Так я побегал? – не дрогнув, уточнил наглец.

– Беги. Одна просьба: по пути забрось Семену Аркадьевичу эту записку. Скажи, я прошу послушать и сказать, что он думает.

– Нет проблем!

Мой красавец-помощник запихнул диктофон в карман спортивной куртки, отсалютовал мне, как бравый морской пехотинец, каковым он при его ориентации никогда не будет, и ушел.

Я немного посидела в тишине, потом вспомнила, что так и не выпила свой бодрящий утренний коктейль, соорудила вторую усиленную порцию и вернулась к рукописи, от работы над которой меня отвлек неожиданный визит Тамары. Работа была не срочная, но я, как природа, не выношу пустоты – непременно должна заполнить ее более или менее бурной деятельностью.

Против обыкновения, я не смогла вспомнить, на чем остановилась, пришлось перечитать последний абзац: «Если я не видела тебя, то ощущала твое присутствие затылком, спиной, сердцем, третьим глазом...» Дальше пошло само:

«Заглядывая в кабинет, я знала, что увижу тебя там. Я не знала, что увижу тебя там с другой женщиной!

Если бы вас увидела не я, а любой другой человек, он бы даже не почувствовал неловкости. Вы не обнимались, не целовались. Вы просто смеялись! Но это был такой смех...

Это был смех людей, объединенных общей тайной.

Смех заговорщиков, давным-давно связавших себя клятвой, которая за давностью лет превратилась в такую же фикцию, как бывшая любовь. Она засохла, точно осенний лист в гербарии, но сама ее невесомая хрупкость вызывала нежность и благодарность за то, что когда-то случилось.

Вы были любовниками, я поняла это по твоему голосу и той смелости, с которой она шутила с тобой. Вы были любовниками раньше, и вы были ими сейчас.

Я смотрела на вас одну секунду, но ваш смех, насыщенный терпкой сладостью многократно разделенного греха, звучит в моих ушах до сих пор».

Я поставила точку в конце абзаца и отстраненно подумала, что однажды я еще скажу Андрею большое спасибо. Невыдуманные муки ревности в моем описании непременно впечатлят чувствительных читателей (для проверки эффекта я дам эту страничку на ознакомление Санчо), так что новая книжка вполне может получиться выше среднего. Издательство выпустит нормальный тираж в твердом переплете, читатели раскупят книжку, а я получу приличный гонорар и потрачу его на отдых в каком-нибудь потрясающе красивом и романтическом месте. На Мальдивских островах, например. Или в Индонезии, на Бали... Где встречу прекрасного принца и закручу с ним фантастический роман...

– Стоп, стоп! – окоротил меня внутренний голос. – Какой еще прекрасный принц? Мы вроде уже порадовались тому, что тебе не восемнадцать?

– К счастью, да, – повторила я.

В восемнадцать лет в ситуации с Андреем и его пассивностью я бы не закрыла тихонько дверь и не пошла бы как ни в чем не бывало пить шампанское с гостями праздника. Я бы ворвалась в тот кабинет, как самум, и надавала неверному любовнику пощечин, а его подруге, не оказавшись она более сильной и ловкой, расплосковала щеки ногтями! А если бы мне не дали продемонстрировать свою натуру столь экспрессивно и ярко, я бы показательно хлопнулась в обморок, вынуждая негодяя проявлять человеколюбие, противное его гнусной сущности! О, в восемнадцать лет я сочиняла гораздо более драматические сценарии, нежели теперь!

Теперь я просто отпускаю мужчину, не оценившего по достоинству то сокровище, которое досталось ему в моем лице и теле. Хотя за тело Андрей, вероятно, еще поборется, от этого приза он так просто отказаться не сможет...

Да, что ни говори, у закаленной и опытной бальзаковской женщины есть масса преимуществ перед чувствительной и ранимой тургеневской барышней!

Я потянулась, встала, подошла к зеркалу и чокнулась со своим отражением золотым кубком.

– Ваше здоровье! – иронично произнес приятный мужской голос.

Я повернула голову.

В дверях, которые торопыга Санчо не потрудился плотно закрыть, стоял невысокий коренастый молодой человек в потертых джинсах и спортивной куртке. Лицо у него было как у сказочного работника Балды: широкое, открытое и насмешливое – идеальное для практики кулачного боя.

– Вы к кому, сударь? – холодно спросила я.

Низкорослые курносые блондины квадратного телосложения – не мой тип мужчины.

– К вам, Анна Ивановна, к вам! – уверенно ответил Балда и без приглашения внедрился в мой кабинет.

Гостевой диван скрипнул, возражая против такой наглости, но его протест не был услышан. Незваный гость правой ручкой похлопал по дивану, приглашая меня присесть, а левой вытянул из кармана удостоверение:

– Лейтенант милиции Петров, УВД Центрального округа! Семен Аркадьевич очень просил меня зайти к вам и поделиться оперативной информацией.

Под мышкой у лейтенанта была плешивая папка из кожзаменителя. Открыв ее, он продемонстрировал исписанный от руки лист бумаги и прокомментировал:

– Это заявление гражданки Тарасовой Тамары Николаевны об исчезновении ее дочери, тоже гражданки Тарасовой, только Марины Ивановны. Данное заявление было принято вчера вечером, и к настоящему времени по нему уже получена кое-какая информация, а именно, нам известно следующее...

Говорил лейтенант скучно, монотонно, как деревенский дьячок, однако меня сказанное им весьма заинтересовало. Я послушно присела на диван и внимательно выслушала милицкий доклад.

Из него следовало, что Марина Тарасова вышла из общежития педагогического института в пятницу вечером, около семи часов. Точное время тетка-вахтерша не запомнила, потому что по долгу службы обязана следить только за входящими. А на выходящих она обращает внимание по личной инициативе и лишь в особых случаях. К счастью, тем вечером Марина Тарасова как раз и была особым случаем, ибо до сих пор вахтерше никогда не доводилось видеть эту скромную девушку в вызывающе дорогой обуви на шестидюймовых каблуках.

Зрелище было необычное, и любопытная вахтерша насладилась им сполна, привстав со стула и проводив грациозно покачивающуюся на шпильках Марину долгим взглядом до самого выхода. Широко распахнувшаяся дверь позволила вахтерше увидеть у крыльца грузную мужскую фигуру в черном и машину такси с логотипом в виде старинной кареты.

В службе такси «Дилижанс» достаточно быстро нашли машину, которая приняла крупного мужчину в черном пальто на улице, потом заехала за второй пассажиркой к общежитию педагогического института и затем без остановок доставила пару в аэропорт. Водитель точно помнил, что высадил пассажиров у здания аэровокзала международного сообщения.

На внешних авиалиниях в пятницу вечером по расписанию было всего три полета: Дубай, Ницца и Стамбул. Ни на одном из этих рейсов грузного мужчину в неприметном черном работнике аэропорта не запомнили, а вот тщеславную дурочку, которая отправилась в дальнюю дорогу в модельных туфлях на запредельно высоких каблуках, заметили чуть ли не все сотрудники женского пола.

Дурочка улетела в Ниццу.

– Та-ак! – протянула я.

Уже на этой стадии лично для меня кое-что прояснилось. Стало понятно, почему Семен Аркадьевич адресовал свою добрую подругу Тамару именно ко мне!

Вот уже несколько лет подряд в самом начале марта я на неделю-другую улетаю в Ниццу, спасаясь от сезонной депрессии.

Должна признаться, что я с трудом переношу продолжительную холодную зиму. Даже чистейший и свежайший белый снег радует меня всего лишь от тридцати минут до пары часов – в зависимости от того, радуюсь ли я ему на открытом воздухе или же в хорошо отапливаемом помещении. А когда снег лежит долго и превращается в ноздреватую серую массу, образующую неуютные бугристые бортики вдоль скользких тропинок... Когда подтаивающие сугробы сочатся ледяной водой, проникающей в самые крепкие сапоги и ботинки... Когда с крыш и карнизов к моей непокрытой голове тянутся опасно острые и тяжелые сосульки... Когда день так короток, что поутру я всерьез задумываюсь – а есть ли вообще смысл вылезать из постели? Когда небо то черное, то серое, а голубизны нет и в помине... Когда фрукты и ягоды сплошь безвкусные, тепличные, а цветы можно найти только в магазине или на кладбище, каковое место вполне соответствует моему февральскому настроению... Тогда я хандрю, мрачнею, теряю волю к победе и каждую ночь заново ищу смысл жизни, вполне очевидный мне в теплое время года. На исходе зимы я делаюсь такой раздражительной и нервной, что хотя бы из соображений гуманного отношения к ближним должна лишать этих самых ближних сомнительных радостей общения со мной!

Приблизить конец зимы в родных краях не в моих силах, но зато мне вполне по средствам улететь навстречу весне. И я не проявляю оригинальности, традиционно выбирая для своей сезонной миграции Французскую Ривьеру.

Это не так далеко, как экзотические острова, и не так дорого, как отдых в Сочи, поэтому уже в середине зимы, обессиленная депрессией и авитаминозом, я водружаю на свой рабочий

стол запыхавшийся плакатик с лозунгом собственного сочинения: «Ницца! Нельзя не соблазниться!» – и начинаю готовиться к приятному путешествию.

Ах, Ницца! Там тепло и солнечно даже в феврале, а в самом начале марта на изумрудных газонах во множестве пестрят цветы. По набережной трусцой бегают сосредоточенные курортники в спортивных костюмах и гоняют на роликах улыбчивые мужчины в деловых костюмах, с портфелями и мобильными телефонами в руках. На песчаных пляжах в Каннах и галечном берегу в Ницце уже загорают нетерпеливые приезжие из северных стран. Морская гладь похожа на изящную чеканку по светлому серебру, берег в туманной дымке имеет отчетливо голубой цвет, и роскошные пальмы всем своим видом утверждают, что зимняя депрессия здесь попросту невозможна.

Кто-то упрекнет меня в отсутствии патриотизма, но на самом деле можно сказать, что я беру пример с русских классиков.

В теплой Ницце, а не в промозглом Питере делал черновые наброски ко второму тому «Мертвых душ» Николай Васильевич Гоголь.

Именно на Лазурном Берегу переживал потерю любимой женщины Федор Иванович Тютчев.

В Ницце сочинял свою оперу «Руслан и Людмила» Николай Андреевич Римский-Корсаков.

В Ницце жил, писал и умер Александр Иванович Герцен.

Здесь с удовольствием бывал Антон Павлович Чехов, имя которого и нынче можно увидеть на фасаде двух отелей города – «Бо Риваж» и «Оазис». В последнем, кстати, останавливались и Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, и Владимир Ильич Ульянов-Ленин... Почти сплошь приличные, многими уважаемые люди!

Вот и я не хуже других, совсем как герой рассказа Бунина «Генрих» из «Темных аллея»: «Вечером совсем летнего дня на вокзале Ниццы» уже без раздражения и грусти, а лишь с удивлением могу думать о том, что «на родине сейчас двадцать градусов мороза».

Да и потом, когда я уже возвращаюсь домой, солнце Лазурного Берега еще долго греет мое сердце – как раз до тех пор, пока и у нас не наступят теплые деньки.

Так вот, к чему было все это отступление: моя многолетняя привычка дезертировать с поля битвы зимы и весны известна многим. Семену Аркадьевичу в том числе.

– Полагаю, что в Ниццу за Мариной Тарасовой и ее спутником наша родная милиция не последует? – спросила я, в общем-то не сомневаясь в ответе.

– Конечно, нет! С какой стати? – Лейтенант Петров пожал квадратными плечами. – Да и зачем? Ну, улетела взрослая барышня на курорт с любовником, ну, не предупредила об этом свою заботливую мамашу. И что тут такого?

– По нынешним временам – ничего аморального.

Я особенно охотно согласилась со сказанным по той простой и понятной причине, что тоже имею обыкновение улетать на Лазурный Берег не одна.

Обычно у меня есть очаровательный спутник, общество которого существенно добавляет прелести курортным дням и ночам. Вот только на этот раз Андрей подпортил мне проверенный временем сценарий. Узнав, что я для него не Единственная и Неповторимая, я решила лететь в Ниццу без сопровождения. В конце концов, и во Франции люди живут, и мужчины тамошние – вполне галантные кавалеры. Авось не пропаду я в одиночестве!

– А кто этот мужчина, с которым улетела Марина, вы случайно не выяснили? – спросила я лейтенанта.

– Конечно, выяснили, и вовсе не случайно! Это было нетрудно.

Лейтенант Петров вынул из папки другой листок и помахал бумажкой в воздухе, не позволив мне ее забрать.

– Спутник Марины Тарасовой – ее институтский преподаватель немецкого языка, Антон Сергеевич Орленко. Шестьдесят два года, русский, судимостей не имеет, проживает в нашем городе по адресу: ул. Белопольская, 117-21, в собственной двухкомнатной квартире.

– Жена, дети, внуки? – горько усмехнувшись, спросила я.

Мне было жаль, что все оказалось так банально и пошло. Пожилой развратник, пользуясь своим статусом, соблазнил глупую студенточку – какой избитый сюжет!

– Нет, детей и внуков у Орленко не имеется, а жену он похоронил два года назад. С тех пор живет один.

Лейтенант заглянул в свою шпаргалку и поправился:

– Еще у него собака была, породистая, колли. Умерла три месяца назад. Соседи рассказывают: он по своей собаке убивался больше, чем по жене!

– Не уверена, что данный факт характеризует его положительно, – пробормотала я. – Впрочем, это дает хоть какую-то надежду. Человек, измученный потерями и одиночеством, на старости лет отчаянно влюбляется в прелестную юную девушку, в отношении которой у него самые серьезные и благородные намерения...

– Вы это сейчас что мне рассказываете? – с интересом спросил лейтенант.

– Аннотацию нового романа.

Я потеряла лоб и покосилась на милицейскую папку:

– У вас еще что-нибудь?

– Да нет, это все.

Лейтенант Петров с треском застегнул «молнию» папки, встал с дивана и протянул мне руку для пожатия:

– Могу лишь добавить, что обратные билеты у Орленко и Тарасовой на девятое число. Так что ждем. А вам всего доброго! Рад был познакомиться с настоящей живой писательницей.

Это прозвучало как косвенное признание в том, что у милицкого лейтенанта огорчительно много знакомых мертвых писательниц, и я захотела утешить его маленьким призом:

– Хотите, подарю свою книжку с автографом?

Лейтенант хотел, и я легко и с удовольствием исполнила это его желание. А когда милицкий товарищ, прижимая к груди пестрый томик с моей фотографией на задней обложке, удалился восвояси, я вернулась к компьютеру, вошла в Интернет и на сайте нашего местного педагогического института нашла Антона Сергеевича Орленко. Мне было интересно посмотреть на героя Маринкиного романа.

Антон Сергеевич меня разочаровал. Я настроилась увидеть привлекательного пожилого господина вроде Алена Делона в старости – благородного, породистого, с мудрыми глазами и печатью мысли на высоком челе. Но чело оказалось низким, а порода – самой что ни на есть дворовой. Небольшая квадратная фотография в разделе «Преподаватели кафедры романо-германской филологии» демонстрировала мясистое лицо с отвисшими щеками, лохматыми бровями и крючковатым носом. Возможно, снимок был неудачный, но и натура, чувствовалось, далека от эталона мужской красоты. Могла ли симпатичная восемнадцатилетняя девушка влюбиться в такого типа?

– Э-эй, проснись! – покликнула я свой внутренний голос.

Он скорее способен был вспомнить типичные настроения и переживания восемнадцатилетней умницы-отличницы, сочиняющей стихи для факультетской стенгазеты и втайне мечтающей о большой и чистой любви. Что-то от меня такой, несомненно, должно было сохраниться в глубине души.

– Думаю, если этот Антон Сергеевич умный и интересный собеседник, если он живо интересуется ее мнением, внимателен к ее настроению, заботлив, галантен и не скуп на подарки и комплименты, то девочка вполне могла закрыть глаза и на возраст, и на внешность, – помолчав, с сожалением ответил внутренний голос.

– Можно, конечно, и с закрытыми глазами, но я лично люблю видеть, с кем я и как! – цинично огрызнулась я.

– И что, разве всегда так было?

Я замолчала, внутренний голос тоже.

Неприятный тип Антон Сергеевич Орленко с фотографии буравил меня пристальным взглядом светлых, как стальные гвоздики, маленьких глаз.

– Да пошел ты! – с вызовом сказала я ему.

Я щелкнула мышкой, закрывая институтский сайт, открыла в разделе «Избранное» закладку страницы авиакомпании, регулярно совершающей прямые рейсы из нашего города в Ниццу, и без раздумий забронировала билет на завтра. Один билет, а не два, как я планировала еще вчера, когда не знала о двойной личной жизни Андрея.

Оплатив билет кредитной картой, я допила свое алкогольное пойло и перешла к следующей стадии подготовки путешествия – бронированию отеля. И тут меня неожиданно постигла неудача.

Оказалось, в гостинице, где я останавливалась ежегодно, на интересующий меня период времени нет свободных мест!

Не поверив информации на гостиничном сайте, я не поленилась позвонить в отель и убедилась, что так оно и есть: массовый наплыв гостей и участников очередной международной выставки в Каннах обеспечил ажиотажный спрос на бюджетные места размещения и в соседней Ницце.

– Не расстраивайтесь, дорогая мадам! Попробуйте поспрашивать в отелях по соседству, – посоветовал мне галантный молодой француз на ресепшене.

Дорогая мадам в моем лице не расстроилась – мадам разозлилась, а злость всегда была для меня мощным двигателем. Сдаваться без боя не в моих правилах. Я проявила упорство: открыла карты Гугл, вбила в строку поиска адрес моей обычной гостиницы и запросила информацию о ближайших отелях. Меня интересовал квадрат «три на три квартала» в районе знаменитого отеля «Негреско».

На мой взгляд, это самое красивое место в Ницце, очень удобное и для пешеходных прогулок, и для старта коротких экскурсий по окрестностям. Я собиралась, как всегда, съездить на поезде в Монако, а то и подальше – в итальянский городок Сан-Ремо, воспетый поп-кумирами моей юности. Поэтому было крайне желательно поселиться не слишком далеко от железнодорожного вокзала.

Я отметила свое пожелание – «вблизи вокзала» – галочкой в соответствующей клеточке, кликнула мышкой, и премудрый Гугл выдал мне карту, густо усеянную перевернутыми «капельками» указателей.

– Есть из чего выбирать! – подумала я вслух, приступая к детальному изучению предложения.

Отели разряда «Пять звезд» я забраковала сразу – в Ницце это слишком дорого. «Три звезды» – вполне нормально. Правда, как раз на отели этой категории была ориентирована целая армия моих конкурентов – участников Каннской выставки. При ближайшем рассмотрении оказалось, что в большинстве гостиниц уже нет свободных одноместных номеров, а на шикарные «люксы» и многокомнатные апартаменты я не замахивалась.

В итоге весь мой выбор свелся к трем вариантам. Я могла забронировать двухместный номер в «Ибисе», стандартный одноместный в «Марриоте» и улучшенный одноместный в «Ла Фонтен».

Рассмотрев фотографии на сайтах отелей, я решила, что «Ибис» мне не подходит: он расположен максимально далеко от моря и максимально близко к вокзалу, так что я получу определенное удобство в передвижении по Французской Ривьере, но зато лишусь той очаро-

вательной атмосферы, которая есть на первой и второй линии. Кроме того, мне не понравилась архитектура «Ибиса». В коробке из бетона и стекла я и на родине могу жить сколько захочется!

«Четырехзвездочный» «Марриот» был хорош по всем статьям. И расположен прекрасно, в первой линии у моря, и номера комфортные, и сразу два бара в холле – немаловажный плюс для одинокой дамы, которая не прочь: а) чего-нибудь выпить и б) чего-нибудь выпив, с кем-нибудь познакомиться. Но цена за последний свободный номер кусалась больно-пребольно!

Отель «Ла Фонтен» на фотоснимке представляла главным образом незатейливая вывеска из светящихся газовых трубочек. Она была расположена параллельно водосточной трубе – вертикально, ибо никак иначе просто не могла поместиться на узком фасаде. Зато место было превосходное – в трех кварталах от моей любимой Английской набережной, в двух сотнях метров от «Негреско», рядом с музеем. И в пятнадцати минутах ходу от вокзала! Даже в десяти, если идти бодрым походным шагом.

– К тому же Лафонтен – это не только «фонтан» по-французски, а еще и знаменитый баснописец! – нашел неожиданный аргумент мой внутренний голос. – Ты писатель, он писатель – почему бы вам не встретиться таким образом?!

Прайс отеля «Ла Фонтен» меня приятно удивил. Чтобы убедиться, что я все поняла правильно, интересующий меня номер свободен и доступен, в том числе по цене, я разорилась на еще один звонок в Ниццу и после короткого разговора с любезнейшим администратором приняла волевое решение:

– Итак, я бронирую улучшенный одноместный номер в отеле «Ла Фонтен»!

Весь процесс занял у меня порядка двух часов. За это время телефон на столе у Санчо звонил трижды. Покончив с отелем, я пошла взглянуть на определитель номера в приемной и убедилась, что все три раза звонил Андрей.

– Нас не догонишь! Нас не догонишь! – злорадно напела я телефонному аппарату и, стыдно сказать, даже показала ему туго скрученную фигу.

Дождавшись возвращения с тренировки по йоге томного румяного Санчо, я объявила ему радостную весть о моем завтрашнем отъезде, под страхом денежного вычета велела в мое отсутствие ходить на работу как обычно и поехала домой собирать чемодан.

4

– Самолет в пять утра, в аэропорту надо быть в четыре, такси заказано на три, сейчас половина первого. Стоит ли ложиться спать? – трижды проверив список нужных вещей и сложив их в чемодан, спросила я себя.

И сама себе ответила:

– Не вижу смысла!

Чтобы не клевать носом, я сварила крепкий кофе, влила в чашку рюмку ликера и пошла читать электронную почту, о существовании которой старалась забыть почти двое суток. Мне подумалось, что теперь, когда до моего отлета в другую страну остались считанные часы, я вполне могу позволить себе узнать, что думает о нашем разрыве Андрей. Ведь уже ничего не изменить, правда?

Свежих писем от еще недавно любимого было всего два. В первом он по инерции, еще не поняв моего фатального настроения, увлеченно, многословно и красочно пересказывал свои волнующие эротические фантазии с моим активным участием. Во втором, написанном незадолго до полуночи, содержалось короткое и емкое описание того диагноза, который поставил бы мне практикующий психиатр. Меня оскорбленный Андрей уверенно называл сумасшедшей, а наш разрыв – клинической ошибкой, которая должна быть исправлена как можно скорее.

Исправлений, видимо, он ждал от меня. Надо признать, не без оснований! За последний год я уже трижды ставила в наших отношениях жирную точку, а потом переправляла ее на запятую. Это действительно выглядело уже по-идиотски. Я подумала, что должна объяснить свое поведение.

Сочинение прощально-объяснительного письма заняло у меня все время ожидания в аэропорту. Я набирала текст на сенсорной клавиатуре мобильного коммуникатора, отправила сообщение адресату уже с борта «Боинга» и только после этого отключила, как положено, телефон и закрыла глаза. Уснула я вскоре после того, как шасси самолета оторвались от взлетной полосы.

Я очень люблю летать и делаю это часто. Мне нравится ощущение некой паузы, когда ты зависаешь в воздухе между своей страной и чужой, между настоящей жизнью и придуманной, между нерушимым прошлым и зыбким будущим. В самолете, пересекающем часовые пояса, время относительно, так что мне кажется – я ни к чему не привязана и ничем не ограничена, свободна от любых воздействий и помех. И уж если где-то когда-то и принимать судьбоносные решения, так именно в полете!

Андрей не раз говорил, что наша с ним встреча была суждена на небесах. На сей раз в небесах я окончательно решила наше с ним расставание.

Самолет сильно тряхнуло, рядом кто-то вскрикнул, и я проснулась в недоумении: где я?

Пластмассовая шторка иллюминатора рядом со мной была закрыта. Я подняла ее. Другие пассажиры, я видела, делали то же самое, и не только потому, что об этом выразительными жестами просили бортпроводницы. Самолет пугающе дергался, и всем непременно хотелось узнать, что происходит.

Ничего хорошего я за окошком не увидела: «Боинг», носом вниз, с трудом прорывался сквозь летящую навстречу многослойную серую паутину. Было угнетающе сумрачно, но, когда пятнистую мглу, похожую на разводы черной гуаши, разорвала близкая вспышка молнии, веселее не стало.

– Добро пожаловать на солнечный и теплый Лазурный Берег! – с сарказмом пробормотала я.

Самолет вывалился из тучи, как пудовая гиря из марлевого мешка, с трудом выправился и грузно пошел вдоль берега.

Под крылом, устрашающе близко, рябило серое море. С набережной, до которой, казалось, рукой подать, в хаотичном приветствии махали пальмы. Ураганный ветер гнул их вопросительными знаками, а восклицательные знаки, сопровождающие междометия и испуганную ругань, во множестве реяли в салоне нашего самолета.

Я зажмурилась и покрепче вцепилась в подлокотники.

В этот момент, наверное, стоило горячо помолиться и убедительно пообещать Всевышнему на будущее, если он мне его подарит, безупречно безгрешное поведение, но я удержалась. Мои грехи – это мой выбор, а я после развода с первым мужем, на десять лет заточившим меня у семейного очага, чрезвычайно дорожу свободой воли.

Мелодично тренькнуло бортовое радио. Я бы не очень удивилась, услышав команду надеть спасательные жилеты и приготовиться к встрече с водным миром Средиземного моря, но приятный женский голос совершенно невозмутимо озвучил погодные характеристики в аэропорту города Ниццы и пожелал приятного пребывания на Французской Ривьере. Оказывается, пока я размышляла, покаяться мне или еще повременить, самолет благополучно приземлился.

Ожидая багажа, я сокрушенно думала о том, что в моем списке нужных вещей нет зонтика. А ливень стоял стеной, вбивая в землю пестрые цветы на газонах и заставляя автомобили приседать, как это делают кошки. Собираясь в путь, я не сомневалась, что доберусь до

отеля без всяких проблем, однако теперь поняла, что проблема у меня есть, и немалая. Уже на пятиметровой прямой от раздвижных дверей аэропорта до накрытой пластиковым козырьком остановки я здорово промокну, за пятнадцать минут поездки в автобусе не просохну, а целенаправленный, по заранее распечатанной карте, марш-бросок от набережной до гостиницы окончательно превратит меня в мокрую курицу, которая уже завтра сляжет с куриным гриппом.

– Зонтики! Превосходные зонтики!

Чернокожий парень со связкой разнокалиберных зонтов приплясывал у выхода из здания аэровокзала.

– Сколько? – спросила я, подойдя поближе.

Полупустой – в расчете на неспешный курортный шопинг – чемодан на колесиках катился за мной, весело погромыхая.

– Десять евро!

Я фыркнула, чемодан хрюкнул.

– Пять евро!

Мы с чемоданом величественно проследовали мимо.

– Три! Два!

– Один! – остановившись и обернувшись, сказала я и жестом фокусника выдернула из кармана монетку.

Через секунду ее у меня уже не было, зато имелся зонтик.

В другой ситуации зонтик не стоил бы и одного евро: сломанная спица едва не выколола мне глаз, едва я попыталась задействовать конструкцию по прямому назначению. Металлические части зонтика, густо покрытые ржавчиной, походили на хрупкие веточки красного коралла, в пестрой ткани кое-где предательски светились дырочки, а купол имел вид, будто он добросовестно защищал предыдущего владельца не только от дождевых капель, но и от падающих метеоритов. Однако на пятиметровой дистанции под проливным дождем зонтик показал себя неплохо, мне только за шиворот немного воды налилось.

Тем не менее даже с зонтиком до «Ла Фонтен» я добралась в плачевном виде. Резкие порывы ветра то и дело бросали холодные дождевые струи горизонтально, как дротики, и они впивались мне то в правый бок, то в спину – путь к отелю шел по кривой, буквой «Г». Чемодан мой и вовсе катился без всякого прикрытия и оказался неважной субмариной, подмокнув со всех сторон.

Я так торопилась оказаться в сухом помещении с исправно действующей батареей парового отопления, что задержалась в микроскопическом холле отеля всего на одну минуту. Ее хватило на то, чтобы приветственно чихнуть, прилепить к полированной стойке промокнувший листок подтверждения бронирования, взять ключ и затвориться в вертикальном гробике тесного лифта под сочувственное бормотание портье.

Оказавшись в номере, я для начала высмотрела под окном отопительный прибор, хотя обычно первым делом визуально оцениваю кровать – это важно. Батарея оказалась достаточно протяженной, и я смогла разместить на ней почти все свои отсыревшие вещи. Остальное в два слоя разложила на горячей трубе полотенцесушителя в ванной, торопливо отогрелась под душем, плотно завернувшись в одеяло и рухнула в постель. Шторы на окне я не раздвигала, да это и не имело смысла: бушующая гроза превратила белый день в очень неуютный сумрачный вечер.

– И стоило ради этого лететь в такую даль? – пораженчески вякнул мой внутренний голос. Но я ему ничего не ответила, потому что уснула.

Разбудила меня непонятная возня за стеной. Звук был такой, словно кто-то большой и мохнатый (например, легендарный Русский Медведь) размеренно чешет спину о гипсокартонную перегородку. На любовную игру это походило мало, да и время для постельных упражнений было не самое подходящее – всего лишь четвертый час пополудни. Тем не менее я вспом-

нила, что мне надо как можно скорее решить два насущных вопроса. Первый – где столоваться. В «Ла Фонтен» постояльцев не кормили даже завтраком, а я люблю питаться регулярно и вкусно. Решение второго актуального вопроса должно было на время заполнить брешь в моей личной жизни.

Пробегая по лужам под дождем, я видела на своем пути с полдюжины маленьких кафе. А прелестная кондитерская, идеально подходящая для легкого завтрака, располагалась прямо напротив моего отеля, так что голодная смерть мне не грозила.

А что до второго вопроса... Ну неужели в Ницце, которую французы называют «королевой», «царевной», «жемчужиной», в столице департамента Приморские Альпы, в прекрасном курортном городе, население которого составляет четыреста пятьдесят тысяч человек, не считая многочисленных туристов, я не найду одного достаточно симпатичного и общительного мужчину, готового на недельку стать моим почти прекрасным принцем?

Полная приятных ожиданий и похвальной решимости их реализовать, я соскочила с постели, широким жестом рванула в стороны плотные гобеленовые занавески, ахнула и зажмурилась.

Дождь закончился, небо очистилось, с мокрых крыш срывались последние радужные капли, красная черепица лаково блестела, но ослепили меня не солнечные блики, а мощная фотовспышка.

Проморгавшись, я увидела во внутреннем дворике человека в синем пластиковом дождевике с поднятым капюшоном. Мужчина это или женщина, понять было невозможно – я видела фигуру в синем со спины. Человек, пригнувшись, торопливо нырнул под арку в каменной стене и скрылся. Я наблюдала его всего пару секунд, но успела засечь взглядом фотоаппарат на плече.

Ничего себе! Я с растрепанной прической, размазанным макияжем и в костюме голой королевы доверчиво и непринужденно выглядываю в окно, и в этот момент какой-то псих меня снимает?!

Впервые я искренне посочувствовала знаменитостям, за которыми охотятся папарацци, хотя остатки скромности не позволили мне думать, будто фотограф поджидал в засаде за цветочной горкой именно меня. Даже на родине моя писательская слава не достигла уровня, который предполагает назойливое внимание прессы.

Спустя полтора часа, потраченных на приведение себя в полную боеготовность, я спустилась в холл. Портье всем своим видом изобразил восторг по поводу нашей с ним встречи, но я ему эту радость быстро испортила.

– У вас во дворе прятался какой-то сумасшедший с фотокамерой! – с претензией сказала я, отдавая на хранение ключ от своего номера.

Он был тяжелый, металлический, с увесистым брелоком-бомбочкой и не помещался в мою вечернюю сумочку.

– Этот чокнутый фотограф щелкнул меня раздетой, когда я выглянула в окно!

– О, мадам! Мне так неловко! Прошу прощения, поверьте, что впредь мы ничего подобного не допустим! – жарко заверил меня миниатюрный, под стать крошечному холлу, портье.

При этом глаза у него забежали так подозрительно, что я бы подумала, будто он самостоятельно партизанил у фонтана с фотоаппаратом, если бы тот человек в синем дождевике не был намного крупнее.

– Надеюсь, что так. Я остановилась у вас в надежде на спокойный отдых! – строго сказала я заведомую неправду.

Спокойный отдых – это не мой стиль. Я люблю, когда жизнь кипит, как лапша в кастрюльке!

– Кстати, о лапше! – встрепенулся внутренний голос.

Я сглотнула слюнки. Кушать хотелось очень, и почти все равно, что именно, не обязательно лапшу.

Однако в кондитерскую напротив отеля я заходить не стала, ограничилась долгим взглядом сквозь стекло. В заведении было почти пусто, лишь за одним из столиков сидела нарядная накумаренная старушка в компании крошечной гладкошерстной собачонки комично гламурного вида.

На псинке были бархатная попонка с вышитым лейблом Dolce & Gabbana и малюсенькая фуражка, непонятным образом закрепленная на собачьей голове. Я понадеялась, что ее не прибили к черепу животного гвоздиком. Вела себя собачка так глупо, словно ее и без того неразвитый головной мозг получил тяжелое повреждение: увидев меня, она запрыгала на стуле, как резиновый мячик, заливаясь смехотворным лаем и трясая головой. При этом стразы на окантовке щегольской собачьей фуражки рассыпали искры, как бенгальская свеча.

От неожиданности я отшатнулась от витрины и наступила на ногу какому-то господину. Пришлось извиняться и с улыбкой объяснять, что меня вывела из равновесия неспровоцированная агрессия карликового пинчера.

– Ну, что вы, мадам, не надо извинений! – ловко поддержав меня под локоток крепкой рукой, тоже с улыбкой сказал мужчина. – Прекрасной даме совсем не обязательно быть отважной. Она прекрасна – и этого вполне достаточно!

– Благодарю, – мурлыкнула я и окинула джентльмена оценивающим взглядом из-под ресниц.

На вид ему было хорошо за сорок. Ростом повыше меня (а этим может похвастаться не каждый), поджарый, широкоплечий, судя по крепости поддержавшей меня руки – мускулистый и сильный. Лицо приятное, средиземноморского типа – с коротким прямым носом, красиво очерченными губами и упрямым подбородком. Не лысый (чем, опять же, может похвастаться не каждый пятидесятилетний кавалер) – шатен с волнистыми волосами средней длины. Глаза серые, смешливые. В одном ухе крошечная бриллиантовая искорка, но одет как турист – только не наш турист, не российский. Многие наши за границей даже на экскурсию по древним руинам одеваются точно на званный ужин!

Оглядев приятного господина сверху донизу и на финише оценив превосходное качество его замшевых туфель, я добавила в свою улыбку теплоты и спросила:

– Может быть, вы позволите мне в порядке компенсации за отдаленную ногу угостить вас чашечкой кофе?

– Если вы, в свою очередь, позволите мне какой-нибудь ответный жест! – не задумываясь, отозвался он.

– Смело! – прокомментировал мой внутренний голос.

Кажется, он сказал это с неодобрением, которое я предпочла не заметить. В том настроении, в которое меня повергло расставание с любимым мужчиной, мне не хотелось заранее ограничивать широту диапазона ответных жестов.

– Я еще не успела разведать, где тут лучше кормят и поят, поэтому предлагаю зайти в первый попавшийся ресторанчик, – предложила я. – Что-то такое я видела на углу.

– О нет! Только не туда! – Мой собеседник комично скривился. – В этом ресторане угощают блюдами аргентинской кухни! И даже обыкновенную жареную картошку посыпают тремя видами острого перца! Давайте зайдем сюда.

– В кондитерскую?

– О, вы просто не знаете: тут только на первом этаже кондитерская, а на втором – нормальный французский ресторанчик, – успокоил меня мужчина.

– Луковый суп и сырные гренки! – мечтательно простонала я, безропотно позволяя мужчине увлечь меня в помещение.

Собачонка, мимо которой мы быстро прошли, снова зашла в припадке.

– Рыба на гриле, фуа-гра и сухое красное вино! – с энтузиазмом подхватил мой кавалер. – Если только вы не предпочитаете белое, потому что я, вопреки канонам, со всеми блюдами люблю именно красное, лучше всего – бордо.

– Пусть будет бордо, – согласилась я, поднимаясь по лестнице. – И к черту каноны!

Лестница была достаточно узкой, чтобы оправдать мой маневр по обгону кавалера. Не думаю, что у него это вызвало неудовольствие. Длинный разрез на моей узкой юбке позволял эскорту, следующему с предписанным этикетом отставанием на три ступеньки, беспрепятственно рассмотреть мои ноги от задников атласных туфель до изящного узора на широких кружевных резинках чулок.

– Мадам, мсье, прошу сюда, вот свободный столик! – засуетился при нашем появлении метрдотель.

Устроившись за столиком у окна, мы с моим спутником одновременно энергично распахнули кожаные книжки меню и дружно засмеялись над этой синхронностью.

– Простите, я очень голодна, – отсмеявшись, призналась я. – В последний раз я что-то ела вчера вечером дома, а завтрак в самолете проспала.

– О, так вы только сегодня прилетели в Ниццу? А откуда? И надолго ли? С какой целью, по делам или отдыхать? – Мой кавалер не скрывал любопытства.

Я не люблю фамильярности, но мне нравится, когда люди при первом знакомстве не жеманятся, не нагоняют на себя важность, не именуют друг друга подчеркнуто вежливо по имени-отчеству вплоть до ритуального питья на брудершафт, а держатся дружелюбно и просто. Уж если я по доброй воле, без всякой на то деловой необходимости, общаюсь с новым человеком, значит, он мне симпатичен. А если он мне симпатичен, к чему пустые церемонии?

Я отвечала на вопросы мужчины и задавала свои, пока из кухни не подоспели мой луковый суп и его рыбная похлебка. К этому моменту я уже знала, что моего нового приятного знакомого зовут Павел, он серб, но родился и живет в Польше, а путешествует по всему миру. Как правило, не из праздного интереса, а по работе – как корреспондент солидного научного журнала. У него есть жена – даже две, если считать и бывшую, которой он помогает, потому что она растит его единственную дочь, есть пожилая мама, которая живет с ним по соседству, и любимая кошка, которая на время его поездок переселяется к старушке.

Я нашла, что этот Павел очень симпатичный человек. И уж точно не дурак, раз имеет диплом доктора физики и в своем журнале ведет рубрику о космосе! В Ниццу Павел приехал на пару дней из Канн, где участвовал в международной выставке космических технологий как представитель СМИ.

Правда, как мужчина, он у меня непреодолимого интереса не вызвал. Я видела, что нравлюсь ему, но еще за столом мы как бы случайно соприкоснулись руками, и это меня не загло.

Мужчин, которым предстояло сыграть важную роль в моей жизни, я всегда узнавала мгновенно и безошибочно.

Не знаю, так ли это происходит у других. Достаточно мне было впервые увидеть своего мужчину – неважно, сидел ли он с друзьями за столиком кафе, стоял в толпе зрителей на уличном концерте или шел мне навстречу по пустому коридору редакции, – и мой внутренний голос отчетливо и уверенно произносил: «Это мое!» И мужчина становился героем моего романа едва ли не прежде, чем успевал меня заметить. Последующие действия по максимальному сближению имели характер более или менее затянутой формальности. И от меня, и от него мало что зависело: мы неизбежно должны были принадлежать друг другу. Как будто так решил, не спросив нас, кто-то другой, непререкаемо авторитетный – может, бог на небе, может, организованное мироздание. Да хоть инопланетяне! Или просто – судьба. Я никогда не пыталась решительно спорить со сценаристом гораздо более именитым и изобретательным, чем я сама.

А в случае с Андреем все было еще яснее и определеннее. Мы просто встретились взглядами, и этого оказалось достаточно, чтобы моментально возникли взаимное желание, пони-

мание дальнейшего развития событий и полное со всем предстоящим согласие. Так быстро: ресницы вверх, трехсекундное погружение в зеркало незнакомой дотоле души, ресницы вниз – и мы уже не чужие. Может быть, именно это называют любовью с первого взгляда? Хотя, честно говоря, что-то вроде любви между нами возникло много позже, уже после того, как мы на практике выяснили, что образуем гармоничную пару в постели. Или это чувство возникло только у меня? Я бываю такой глупой, когда влюблена!

Я вспомнила об Андрее и с сожалением вздохнула, а Павел, по-видимому, решил, что я расчувствовалась под воздействием его нежных взглядов и комплиментов. Он явно обнадежился и особенно оживился, узнав, что я остановилась в отеле, который мы видели из окна. Наверное, подумал: раз моя постель так близко, буквально в двух шагах, то добраться до нее можно легко и быстро.

Поступившее за кофе с ликером предложение Павла сменить обстановку на более уютную и интимную прозвучало вполне недвусмысленно, хотя мой кавалер и попытался выглядеть безупречным джентльменом, пообещав:

– Дорогая, если вы пригласите меня к себе в гости, я буду держать себя в рамках приличий.

При этом, думаю, мы оба понимали, что любые ограничения – понятие относительное. Как, впрочем, и приличия.

К примеру, в нашем культурном обществе не принято честно и прямо вызывать мужчину на сексуальный поединок. Приличным считается, например, пригласить его в гости, чтобы вернуть одолженную и уже прочитанную книжку или же ознакомиться с дедушкиной коллекцией курительных трубок. Скучно, смутно и не всегда результативно...

Вот у аборигенов с острова Якута в Папуа – Новая Гвинея – совсем другое дело! Там девушка открыто демонстрирует интерес к понравившемуся юноше, прилюдно набрасываясь на избранника с острым ножом из бамбука или ракушки. И парень радостно принимает раны, поскольку девичья ярость при нападении считается гарантией жгучего любовного темперамента. А в Танзании жаждущая ласки женщина попросту ворует у избранника обувь и мотыгу – самое дорогое. Мужчина обязательно за ними придет! И уж непременно сделает то, чего ждет от него женщина с мотыгой, – в Танзании на этот счет очень строгий кодекс чести джентльмена.

Но у Павла никаких ценностей не одалживала, а потому не обязана проявлять гостеприимство. Заканчивая ужин, я еще не решила, будет ли наше случайное знакомство иметь логическое продолжение. Вполне вероятно, что обида на Андрея и мелкое женское тщеславие сподвигли бы меня на сомнительный подвиг – увеличение числа добытых мною мужских скальпов, однако случилось нечто изменившее мои безнравственные планы.

В дверях ресторана я столкнулась с юношей, который хотел войти, когда я выходила. Наверное, он поздно увидел меня: в черном плаще и с распущенными темными волосами я отнюдь не бросалась в глаза в полумраке подъезда. Я же как раз обернулась к Павлу, который рассказывал что-то смешное, и налетела на парня, как на столб, ударив его в грудь плечом. У него в руках была свернутая в трубочку газета, которая упала на пол.

– Пардон! – Мы с ним сказали это одновременно, присели и потянулись за упавшей газетой.

Наши руки соприкоснулись, и я ощутила легкий электрический удар. Юноша вздрогнул, поднял голову, и мы встретились взглядами.

Глаза у него были светлые, лучистые – а какого именно цвета, я не поняла. Не разглядела, потому что почти ослепла. В искристой темноте, в тишине, нарушаемой лишь учатившимся стуком моего сердца, я ощутила его запах и почувствовала головокружение.

– Мое! – решительно сказал внутренний голос, и я тихо застонала, потому что не ждала прихода новой великой любви так быстро.

Я вообще не ждала и не желала никакой новой любви! Мне нужно было время, чтобы зарастить сердечную рану, укрепить расшатанные нервы и вымарать из памяти весь прошлый год.

Я всегда так делаю – основательно забываю своих «бывших». То есть хронология событий, связанных с очередным экс-любимым, в моей личной летописи сохраняется в точности и неприкосновенности. А вот переживания, которые придавали былому значительность, уходят, и от масштабных полотен остаются маленькие картинки, не производящие серьезного впечатления. Это моя персональная психотерапия и одновременно способ субъективно убавить себе лет: минус целый год – и я сразу же становлюсь на триста шестьдесят пять дней моложе!

– Пардон! – повторил юноша, и я очнулась.

Даже голос у него был такой... Как сказать? Чарующий!

– Я сама виновата, – сказала я, продолжая смотреть ему в глаза.

Это был тот самый случай, когда один-единственный взгляд связывает женщину и мужчину теснее и крепче, чем брачные узы. Если бы он сказал: «Пойдем!» – или просто молча потянул меня за руку, я бы пошла с ним, не теряя времени на вопросы и ответы. Но он не позвал меня, лишь нервно сглотнул, словно у него пересохло в горле, и отшатнулся.

– Ваша газета! – Я все еще тянулась к нему.

А он попятился, спиной открыл захлопнувшуюся дверь и отступил на улицу, угодив в середину небольшой, но шумной группы молодых англичан. И ушел вместе с ними, часто оглядываясь и всякий раз безошибочно встречаясь со мной растерянным взглядом.

– Давно ты не производила на мужчину такого сокрушительного впечатления! – съязвил мой внутренний голос.

– Он же совсем мальчик, – пробормотала я.

– Это ваш знакомый? – ревниво спросил Павел.

Я наконец вспомнила о его присутствии.

– Нет, не знакомый. В первый раз его вижу!

– Надеюсь, не в последний! – шепнул внутренний голос.

Английские девицы и молодцы, громко переговариваясь и хохоча, всей толпой свернули за угол, и мой роковой незнакомец скрылся с ними вместе.

– Какой прекрасный вечер! – тряхнув кудрями и блеснув серьгой, преувеличенно восхитился Павел.

Кажется, он понял, что интересного продолжения наш романтический вечер не получит, и попытался отступить с достоинством. Умный мужчина, тем лучше.

– Не хотите ли прогуляться к морю? Или же вы устали и желаете отдохнуть? У вас был долгий, трудный день...

Я машинально посмотрела на часы. Было около двадцати по местному времени, а в моем часовом поясе – почти десять вечера. Рановато для отбоя... Но я действительно чувствовала себя усталой. Неожиданная встреча в подъезде сильно взволновала меня и разом лишила куража. Всякое желание форсировать отношения с Павлом пропало окончательно.

Я приняла любезно предложенную подсказку, пожаловалась на усталость и тепло, но без интимности попрощалась с Павлом на пороге своего отеля. Мы договорились встретиться утром в нашей кондитерской за кофе с круассанами и расстались: я – с нескрываемым облегчением, Павел – со старательно маскируемым разочарованием.

На ресепшене никого не было. Потянувшись постучать по кнопке вызова, я увидела, что продолжаю сжимать в руке чужую газету, и положила ее на стойку. Бумажная трубка развернулась, открыв заголовок. Я машинально отметила, что это местная пресса, свежая – в смысле сегодняшняя. Так-то газетка была помятой, и подоспевший портье покосился на нее с брезгливым неудовольствием. Взяв ключ, я коротко поблагодарила портье, забрала газету и ушла к себе.

На сей раз подход к номеру оказался затруднен. В простенке между моей дверью и соседней наклонно стояло большое зеркало. Оно сузило и без того микроскопический коридор почти вдвое, так что я пробиралась к себе бочком, вынужденно разглядывая в зеркале свои колени.

С момента, когда я полюбовалась собой перед выходом к ужину, они не стали хуже, однако же мальчик почему-то убежал от меня, как олень от лесного пожара...

Это меня немного расстроило.

За одним-единственным исключением по имени Андрей до сих пор мои любовники всегда были сколько-нибудь моложе меня. Как женщина интересная и привлекательная, я придерживаюсь простого правила: если есть выбор – надо выбирать лучшее! А молодые мужчины, согласитесь, во многом лучше старичков.

Юноши активнее ухаживают и честнее выражают свои желания и чувства. Они, как правило, откровенны и искренны, жизнерадостны и оптимистичны, предприимчивы и легки на подъем, поэтому с ними приятно, весело и нескучно.

А мужчины в годах не любят внезапно менять свои планы и не умеют совершать широкие жесты под влиянием настроения. Они бывают интересными собеседниками, но, как правило, только в том случае, если тема разговора занимательна для них самих. Нескончаемые беседы о служебных делах, бизнесе и политике, щедро сдобренные старческим ворчанием и раздражением, вызванным какой-нибудь тщательно скрываемой хронической хворью или внезапным расстройством пищеварения, – вот удел подруги пожилого ловеласа.

И даже такое приятное качество, как верность, у старика объясняется не столько всепоглощающей любовью к единственной и неповторимой, сколько обоснованной боязнью, что никакого другого повторения у него уже не будет.

Допускаю, что какой-нибудь донжуан пенсионного возраста вполне может оказаться недурен в постели, ибо не зря придумана пословица: «Старый конь борозды не испортит». Однако я уверена, что это будет исключение, которое только подчеркивает правило. Притом весьма вероятно, что высокое качество «бороздения» обеспечит не шквал эмоций и гормонов, а всего лишь таблетка сialisа.

Андрей – то самое «единственное исключение» – заставил меня изменить своему правилу «выбирай молодежь», и я уже не раз об этом пожалела. В постели мы с ним сочетались идеально, как будто нас специально создали так, чтобы мы подошли друг другу по всем статьям. Но за пределами магического периметра кровати мне с Андреем чаще бывало плохо, чем хорошо. Уж не потому ли, что я моложе его, а это значит, эмоциональнее, уязвимее – слабее?

Впрочем, единичный случай не изменил моего отношения к «старичкам». Я по-прежнему склонна думать, что пожилые любовники – это желанный приз для алчных девиц, которые ловят на проверенную наживку женской привлекательности состоятельных мужей – своих будущих кормильцев и рогоносцев. Я же женщина самостоятельная, в достаточной степени себя обеспечивающая и не на шутку дорожащая личной независимостью. Я невысоко ценю благородные седины, морщины и лысины, зато научилась извлекать максимум удовольствий из отношений с влюбленными мальчишками, у которых ветер в голове и в карманах, но зато и душа нараспашку.

К тому же общение с молодыми людьми просто полезно для сохранения красоты и здоровья. Считайте, это второй – наряду с систематическим освобождением от ненужного балласта эмоциональной памяти – пункт эффективной антивозрастной программы. Придуманный, кстати, вовсе не мной.

Еще царь Давид, чтобы отодвинуть немощную старость, еженощно ложился в постель с молодыми девами. Этот метод достижения здоровья и долголетия практиковали многие древние и средневековые восточные правители. Кое-кто из них укладывался спать в плотном окружении совсем юных девочек от семи до одиннадцати и девушек от одиннадцати до девят-

надцати лет – непременно девственниц! По мнению тогдашних ученых мужей, наслаждение телами юных дев без ущерба для их физической невинности гарантировало правителю удачу, здоровье и долгую молодость.

В Европе теоретиком метода омоложения при непосредственном содействии юных девиц стал Иоганн Генрих Кохаузен. Его научный труд под названием «Возрожденный Гермипп» в буржуазной Франции пользовался изрядной популярностью. Некоторые предприимчивые парижане даже наладили бесперебойную поставку молодых девственниц безупречной репутации в постель к омолаживающимся старцам! Процедура стоила восемнадцать франков за ночь, полный курс включал в себя двадцать четыре дня «прогреваний».

Уже в двадцатом веке исследования американских ученых показали, что «старые сказки» не врут: оказывается, в пожилом возрасте для мужчины очень важно сексуальное возбуждение, которое не приводит к оргазму, зато поддерживает его организм в тонусе. Было установлено, что это значительно снижает, к примеру, риск сердечно-сосудистых заболеваний и инсульта.

А что же мы – женщины? Наука доказала: чем дольше продолжается наша сексуальная жизнь, тем дальше отодвигается старость!

– В связи с этим с моей стороны было бы не просто глупо, но даже вредно заводить романы с почтенными, но немощными старцами, когда вокруг так много энергичных молодых мужчин! – с легким вызовом сказала я своему отражению в зеркале платяного шкафа.

«Волшебное стекло» без преувеличенной лести показало женщину с лицом «за тридцать» и фигурой участницы сборной по художественной гимнастике. Я не сторонница оперативного вмешательства в естественные процессы организма, поэтому морщинок у меня постепенно прибавляется. Но мое тело до сих пор пребывает в приятном неведении относительно возраста, записанного в паспорте, и меня это вполне устраивает.

– Тогда ложись спать, а с утра пораньше – на пробежку! – посоветовал внутренний голос.

Я задернула шторы, заодно убедившись, что на этот раз во внутреннем дворике никого нет. Фонтанчик тихо журчал, и этот умиротворяющий звук заменил колыбельную песенку.

Засыпая, я пыталась вспомнить лицо молодого человека, встреча с которым меня так взволновала, но не смогла.

Зато и мужественная физиономия Андрея на сей раз в моих сновидениях не всплывала.

5

Чтобы увидеть рассвет в Ницце, стоит потратить деньги, время и прилететь за пять тысяч километров!

В шесть утра я быстро шагала по улице, ведущей к морю, перепрыгивая вчерашние лужицы и с одобрением поглядывая на свое смутное отражение в тонированных стеклах витрин. Отражение демонстрировало похвальную резвость, но, кроме нас с ним, в этот ранний час некому было напиться бодростью и свежестью, разлитыми в воздухе. Ницца еще не проснулась, даже чайки кричали вполголоса, а мне хотелось громко петь и смеяться.

Однако я не стала шуметь, и никто не помешал мне запросто, как к себе домой, заскочить в «Негреско», чтобы полюбоваться знаменитой люстрой в главном холле.

Невероятной красоты и роскоши осветительный прибор, украшенный почти семнадцатью тысячами хрустальных подвесок «баккара», когда-то подарила отелю российская императрица Мария Федоровна. Таких шедевров в мире всего два. Второй висит в Екатерининском зале Кремля, где я никогда не бывала. А вот люстру в «Негреско» я захожу проведать каждый раз, когда бываю в Ницце.

– Привет! Я рада, что с тобой по-прежнему все в порядке! – задрал голову, по-свойски сказала я фантастическому хрустальному цветку на потолке.

Он в ответ приветственно звякнул. Вокруг подвесок трепетала радужная аура.

– Пока! – сказала я и вышла на улицу.

Море в полукольце берега лежало передо мной тихо-тихо. Пальмы стояли ровно, вытянувшись по струночке, как гвардейцы на смотре. Ветер затаил дыхание. Между небом и горами с усилием, как крупная золотая монета в узкую прорезь копилки, протискивалось солнце. Облака на востоке были перламутровые, с радужным отливом, как у подвесок люстры в «Негреско».

У меня возник совершенно девчачий порыв восторженно завизжать, подпрыгнуть и закружиться на одной ножке. Не хотелось только шокировать своей необузданной радостью деловитых чаек, для которых в окружающей красоте не было ничего нового и необычного.

По испещренным крошечными лужицами бетонным ступенькам я сбежала с набережной на галечный пляж, вытащила из пирамиды, сложенной из пластиковой мебели в стенной нише, белый стул, поставила его у линии прибоя, села и в восхитительном одиночестве отсмотрела короткий красочный спектакль «Рассвет в Ницце». Это зрелище радовало глаз и очищало душу, и мое искреннее восхищение не уменьшили даже подмоченные джинсы: стул оказался влажным от ночной росы.

На обратном пути я уже видела признаки пробуждения жизни. На набережной заработали в нормальном режиме светофоры, ночью монотонно моргавшие желтым. Победно шурша шинами, просквозил по пустому шоссе одинокий автомобиль.

По стеклянным стенам какого-то дорогого отеля на первой линии снежной кашей сползала густая мыльная пена. Смуглые мойщики окон при моем появлении прервали свое занятие, чтобы с интересом обозреть меня и обменяться эмоциональными фразами на незнакомом языке.

У бакалейной лавки стоял квадратный фургончик, украшенный художественным изображением пучка редиски. Грузовичок нахально перегородил тротуар, и мне пришлось обходить его по улице – при этом я едва не столкнулась с парнем, который нес на голове корзину с ананасами. Зеленые хвосты задорно торчали из плетушки, точно оригинальный плюмаж. Я засмеялась, и молодой зеленщик ответил мне широкой белозубой улыбкой. На ходу я оглянулась и с удовольствием убедилась, что он смотрит мне вслед. Да, одиночество в прекрасной Ницце мне точно не грозит!

Небо заметно посветлело, в мелких лужах на брусчатке замелькали отражения чаек. Я заметила, что ручеек, бегущий вдоль бордюра тротуара, несет какой-то мусор, и удивилась, увидев, что это розовые лепестки. Французская Ривьера – это все-таки не Арабские Эмираты, где розовые кусты стоят в цвету круглый год! Да и не видела я никаких роз вблизи «Ла Фонтен», если не считать топорщащихся кривыми, как акулы плавники, колючками коричневых стеблей в горшках у фонтана.

По улице напротив моего отеля суетливо сновал малорослик с большой метлой. Отнюдь не радуясь дивному весеннему утру, он сердито бормотал изысканные французские ругательства и ожесточенно скреб прутьями мостовую, выцарапывая из расщелин между камнями лепестки, похожие на лоскутки алого атласа. Пойманные лепестки сиротливой кучкой лежали в ведре для мусора, а ускользнувшие крошечными лодочками уплывали по ручейку в водосток.

Я дружелюбно улыбнулась сердитому дворнику, узнав в нем вчерашнего портье, и поздоровалась. Но он ответил мне только бояливой кривой улыбкой.

– Очень странный тип, – прокомментировал мой внутренний голос.

На шипы резинового коврика у входа в отель тоже нанизались атласные лепестки. Я подняла один, поднесла к лицу, рассмотрела и понюхала: несомненно, это был еще свежий лепесток живой розы. К чему бы это тут? И откуда? Гм... Занятно.

Кондитерская, где я намеревалась позавтракать, открывалась в семь утра – я выяснила это еще вчера. Мне хватило времени на обычную утреннюю гимнастику у распахнутого окна, водные процедуры, легкий макияж и ускоренную процедуру облачения к выходу.

Туфли на каблуках и маленькое черное платье-футляр я отложила на вечер, одевшись попроще, в курортном стиле. Летящая белая юбка добавила моему силуэту воздушности, тугой красный свитерок подчеркнул стройность, а босоножки на плоской подошве хоть немного приблизили мой рост к стандарту, который, похоже, был принят в отеле «Ла Фонтен». На ресепшене опять дежурил коротышка!

Оснащенную сигнальным колокольчиком дверь кондитерской я толкнула в начале девятого. И испытала ощущение, которое французы красиво называют «дежавю». На том же месте, хотя и не в тот же час, восседали нарумяненная старушка в белоснежном платье с отложным «матросским» воротником и ее карликовый пинчер в тельняшке и штанишках на помочах. Собачьи шортики были глубокого ультрамаринового цвета и застегивались двумя большими золотыми пуговицами с оттиснутыми на них якорями. Якорь красовался и на маленькой лаковой сумочке, занимающей свободный стул.

Дама с собачкой смотрелись как карикатурный экипаж маломерной яхты. Для полноты картины не хватало реющего над столом косого паруса, звуков дудки и басовитого боцманского выкрика: «По бим-бом-брамселям! По местам стоять, с якоря сниматься!» Я поняла, что моя попытка изобразить идеальный образец курортного стиля провалилась. Куда мне до этой парочки!

– Как жаль, что Санчо их не видит! – пробормотала я себе под нос.

Мой помощник тратит бездну личного и рабочего времени на ознакомление с модными тенденциями и шлифовку своего оригинального стиля. Эти две знатные щеголихи – бабуля с щенулей – могли бы его многому научить!

Посмеиваясь, я зависла над ледяной гробницей витрины, рассматривая кондитерские изделия. И уже почти остановила свой выбор на аппетитном сливочном суфле с клубникой, когда из угла, занятого колоритной парочкой, донесся строгий скрипучий голос:

– Не вздумайте взять пирожное, оно вчерашнее!

Я обернулась:

– Простите? – От неожиданности я сказала это по-русски.

Старушка погрозила мне серебряной ложечкой и сказала чуть менее строго – и тоже по-русски:

– С утра тут свежих пирожных никогда не бывает. Мой вам совет – не выпендривайтесь и берите круассаны. Они еще теплые.

– Ладно, я не буду выпендриваться! – согласилась я с нервным смешком.

– И идите сюда, садитесь с нами, – настойчиво позвала старушка.

Она повесила свою сумку на подлокотник, освобождая соседний стул, и, едва я приблизилась, торжествующе заявила:

– Я сразу же поняла, что вы русская! Только наша русская женщина может за один вечер закадрить сразу двух ухажеров и уйти спать в одиночестве!

– Вы очень наблюдательны, – похвалила я, поставив на стол чашку и тарелочку с круассанами.

– Ой, боже ж мой! Конечно, я наблюдаю! А чем еще заниматься в этом скучном городе любопытной одинокой старухе! – хихикнула польщенная бабуля.

– Неужели вы находите Ниццу скучной?

Я заняла предложенный мне стул, попробовала кофе – он оказался так себе – и представилась:

– Меня зовут Анна.

– Очень приятно, душенька, а я Софья Пална, – кивнула старушка. – А она – Зизи.

– Она? Я вчера подумала, что это мальчик. – Я внимательно посмотрела на собачку, и она ответила мне долгим влажным взглядом вишнево-карих глаз.

Сегодня Зизи вела себя вполне прилично – в самом деле, как благородная дама. Она не скакала, не барабанила лапками, не лаяла и не бросалась на меня, как служебная овчарка на нарушителя государственной границы.

– А я вчера подумала, что вы годитесь мне во внуки! – сказала на это Софья Пална. – А теперь...

Она наклонилась над столом, пристально посмотрела на меня сначала сквозь очки, а потом поверх них и с нескрываемым удовлетворением закончила:

– А теперь я вижу, что вы вполне могли бы быть моей младшей дочерью!

– Я была бы счастлива иметь такую очаровательную родственницу! – улыбнулась я.

– Да еще в Ницце, да? – радостно засмеялась Софья Пална, демонстрируя превосходные вставные зубы. – Чтобы регулярно приезжать к заграничной мамуле на каникулы? Но не подфортунило вам, не подфортунило! Хотя и мне не подфортунило, женился мой Митяй не на доброй русской бабе, а на потомственной сицилийской бандитке! И болтаюсь я тут на старости лет одна, как хобот у слона на морде, ни сына, ни внуков не вижу...

Словечки и суждения у старушки были преоригинальные. Я слушала ее с искренним интересом. Софья Пална по опорным точкам – Севастополь, папа – белый офицер, уход «от красных бандитов» за два моря – коротко и выразительно рассказала мне предысторию своей жизни. Собственно история, надо полагать, потребовала бы гораздо более обстоятельных посиделок, чем легкий завтрак. Я, впрочем, не спешила оставить общество пожилой дамы с собачкой. Обе они оказались вполне милыми особами. К тому же Павел, обещавший составить мне компанию за завтраком, все не появлялся.

– А хотите, мы с Зизи устроим вам небольшую экскурсию, покажем кое-что интересное? – с помощью крепких искусственных челюстей лихо расправившись с жестковатыми круассанами, предложила мне собачья хозяйка.

– А хочу! – весело согласилась я.

И мы отправились на экскурсию.

О том, что Ницца – самый большой город курортного побережья, мне, разумеется, было известно и раньше. А вот о том, что самим своим названием Лазурный Берег обязан литературному произведению, я, писательница, к своему стыду, прежде и не слыхала! Оказывается, «Кот д'Азур» – «Лазурный берег» – так когда-то назвал свой роман французский писатель Стефан Лежан. Его книга давно уже благополучно забылась, а поэтичное название приклеилось к местности крепко-накрепко.

Еще я узнала, что в Ницце есть свой Драматический театр (и в нем когда-то служила маменька Софьи Палны), Дворец с выставочным залом, где раз в год проходит крупная ярмарка, и Опера, где труппа Александра Дягилева восемнадцать лет подряд представляла лучшие спектакли с Павловой и Нижинским. Средняя зимняя температура в Ницце – плюс тринадцать-четырнадцать градусов, но случается, что доходит и до двадцати. Хотя в январе одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года (тут Софья Пална сделала большие-пребольшие глаза) было целых три градуса мороза, и впервые за пятьдесят лет в Ницце выпал самый настоящий снег!

– Что и говорить, отличный климат! Еще бы сюда не ехали россияне, спасаясь от морозов и депрессии! – завистливо заметила я.

– Кстати, русские открыли для себя Ниццу еще в девятнадцатом веке, – кивнула Софья Пална. – И сразу же начали осваивать новый курортный маршрут так энергично и масштабно, что самый первый поезд на вокзал этого города пришел – угадайте откуда? Из столицы Российской империи – Санкт-Петербурга!

А «кое-что интересное», обещанное мне старушкой, оказалось собором до боли знакомой архитектуры – с луковками-куполами. Мы присели на типично русскую деревянную лавочку, выкрашенную в зеленый цвет, и Софья Пална с гордостью сказала:

– Перед вами Свято-Николаевский собор, который заслуженно считается самой красивой православной церковью за пределами России! Она была построена в тринадцатом году прошлого века в парке виллы Бермон, где жила царская семья, пережившая великую трагедию – тут скончался наследник престола Николай, старший сын императора Александра Третьего. Строительство велось на деньги русской колонии и на личные средства императора Николая Второго и его матушки Марии Федоровны, которая сначала была невестой скончавшегося наследника, а потом вышла замуж за его брата.

– Непростой сюжет, – пробормотала я.

– Затейливый, как вся правда жизни! – философски заметила эрудированная старушка. – Когда-то городские власти Ниццы приняли решение не застраивать это место, и поэтому церковь до сих пор видна издалека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.